



• 1,9 балла: несвоевременность выплат заработной платы, пенсий, пособий (6,4–8,3 балла, 11–25-е места).

Можно предположить, что чем больше плотность ответов по какой-либо проблеме, тем острее она стоит для астраханцев и носит институциональный, общероссийский или общерегиональный характер. И наоборот: чем меньше плотность ответов, тем больше вероятность,

что ее решение является задачей органов власти конкретного муниципального образования.

В целом по результатам опроса средневзвешенный балл оценок степени важности всех социальных проблем районных центров равен 8,1 балла. Таким образом, можно сказать, что качество социальной среды в регионе является низким, и требуется осуществление ряда мер по улучшению социальной обстановки.

Список литературы

1. Индекс качества жизни регионов России: методология и методика оценки. М., 2010.
2. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Исследование качества жизни в российских городах». М., 2014. 162 с.
3. Ануфриев Д. П., Каргаполова Е. В., Потапова И. И. Материальное благополучие как индикатор качества жизни населения (на примере Астраханской области) // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2015. № 3. С. 232–238.
4. Дулина Н. В., Каргаполова Е. В. Качество жизни в условиях социокультурной трансформации // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России : материалы IV Международной научно-практической конференции (08–10 октября 2015 г.). Ч. 3. Симпозиум «Личностные трансформации субъекта труда в условиях относительной неопределенности». Кисловодск – Москва, 2015. С. 91–95.
5. Ануфриев Д. П., Арясова А. Ю., Каргаполова Е. В. Территориальная мобильность в социокультурном пространстве Астраханской области (по материалам конкретного социологического исследования) // Известия Волгоградского государственного технического университета. Межвузовский сборник научных статей. № 7 (167). Волгоград : ВолгГТУ, 2015. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 21. С. 22–35.
6. Ануфриев Д. П., Арясова А. Ю., Каргаполова Е. В. Качество социальной среды современного российского региона (на примере Астраханской области) // Социальные вызовы и ограничения новой индустриализации в регионах России : материалы IV Тюменского социологического форума. 08–09 октября 2015 г. Тюмень, 2015. С. 57–62.
7. Каргаполова Е. В., Хамзяева О. С. Социокультурный портрет молодежи Астраханской области в условиях трансформации современного общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы научно-практической интернет-конференции (14–18 марта 2016 г.). Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. С. 88–95.
8. Каргаполова Е. В., Хамзяева О. С. Социальная адаптация молодежи в условиях трансформации современного общества (по материалам конкретного социологического исследования) // Известия Волгоградского государственного технического университета. Межвузовский сборник научных статей. № 7 (167). Волгоград : ВолгГТУ, 2015. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 21. С. 32–35.

© А. А. Васильева, С. С. Гусева, Е. В. Каргаполова

Ссылка для цитирования:

Васильева А. А., Гусева С. С., Каргаполова Е. В. Качество социальной среды районных центров Астраханской области: поле проблем, поле задач? // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский государственный архитектурно-строительный университет. Астрахань : ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2016. № 1 (4). С. 65–70.

УДК 316. 42

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И МЕТОДИКА ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Н. В. Дулина

Волгоградский государственный технический университет

Статья посвящена описанию методики изучения социального самочувствия населения. Представлен опыт измерения социального самочувствия, полученный в ходе проведения мониторингового социологического исследования.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социально-экономическая ситуация, регион, мониторинг.

SOCIAL FEELING AND TECHNIQUE OF ITS STUDY

N. V. Dulina

Volgograd State Technical University

The paper describes a technique of studying social feeling of the population. The author shares the experience in processing social feeling data obtained in the course of monitoring sociological research.

Key words: social feeling, social and economic situation, region, monitoring.

Одна из функций, отписанных обществом социологической науке, – это поиск путей совершенствования управления социальными процессами, происходящими в обществе. История

развития самой науки убедительно свидетельствует, что практически весь путь развития социологии, начиная с О. Конта – ее родоначальника, опирался на тесную связь науки и прак-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект 16-03-00463 «Динамика социально-экономического развития региона как гетерархической системы»).

тики. В связи с этим уместно напомнить известное высказывание О. Конта: «Savoirpourgrévoir, grévoir – pourprouvoir» («Знать – чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы мочь»).

Большое внимание вопросам соотношения теоретического и практического в социологии в своих работах уделял российско-американский социолог П. А. Сорокин. Он писал, что практическая социология должна быть прикладной дисциплиной, которая, опираясь на законы, сформулированные теоретической социологией, давала бы человечеству возможность управлять социальными силами, утилизировать их сообразно поставленным целям, подобно тому как прикладная химия, технология, агрохимия, медицина, санитария, опирающиеся на соответствующие теоретические науки – физику, химию, биологию и т. п., – отдали на службе человека силы пара, электричества, воды, ветра, теплоты, короче, силы неорганического и, в меньшей мере, силы органического мира [1, с. 100]. В другой своей работе П. А. Сорокин отмечал, что практические советы социологии пока что малоценны, и выражал надежду, что с ходом времени социология будет все более и более совершенствоваться, и в соответствии с этим будет расти и ее практическое значение [2, с. 15].

На взаимосвязь теоретической социологии с решением практических задач, которые встают сегодня перед российским обществом, в своих работах все чаще обращают внимание и современные отечественные исследователи. Так, например, Т. И. Заславская постоянно напоминала, что из трех функций, которые выполняет современная российская социология – научно-познавательной, политической и функции формирования гражданского общества, – хуже всего обстоит дело с реализацией двух последних функций [3, с. 97–100].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что и сегодня остается актуальной задача получения как можно более полной социологической информации о процессах, происходящих в обществе. Данное утверждение как нельзя лучше иллюстрируется общественной реакцией населения России на решения, принятые за последнюю четверть века политиками и органами власти разного уровня. Современники этих политических решений могли наблюдать смену социального самочувствия населения – от эйфории и восторженных ожиданий по поводу возможных перемен до критической и даже негативной оценки своего текущего положения. Мы полагаем, что социальное самочувствие населения необходимо исследовать на постоянной основе, чтобы иметь представление о том, куда качнулся «вектор перемен» состояния социума.

Иначе говоря, мы убеждены, что оценка состояния и динамики социально-экономического развития региона невозможна без учета такой его характеристики, как социальное самочувствие населения. В научной литературе можно встретить указание на то, что социальное самочувствие – это основной оценочный критерий социально-экономического развития общества [4, с. 348]. Социальное самочувствие как социальный феномен входит в круг научных интересов многих исследователей (см., напр., [5–8] и др.). К данной теме достаточно часто обращаемся и мы в своих научных изысканиях (см., напр., [9–14] и др.).

Анализ природы социального самочувствия, как правило, начинают с «корней» самого термина, а именно с рассмотрения его этимологического аспекта, под которым, согласно словарю русского языка С. И. Ожегова, понимается «состояние физических и духовных сил человека» [15, с. 568]. Расширяя границы данного понятия до размеров социума, логично предположить, что социальное самочувствие – это отражение уровня (состояния) физических и душевных сил определенного социума. Понятно, что этимологический аспект понятия «социальное самочувствие» не является определяющим при изучении данного феномена социологией. Однако следует признать, что именно этот аспект понятия указывает на зависимость социального самочувствия, как минимум, от природно-биологических («внешних», объективных) и социально-психологических («внутренних», субъективных) факторов. Кроме того, что важно в рамках наших рассуждений, такой подход дает некоторое представление о восприятии данного понятия массовым сознанием.

В современной социологии под социальным самочувствием понимается реально функционирующее общественное сознание и поведение, «в котором проявляется эмоционально-комфортная оценка индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами уровня удовлетворения социальных потребностей, а также своего положения в сравнении с другими индивидами, социальными группами, организациями и институтами» [16, с. 56]. Можно согласиться, что социальное самочувствие воспроизводит степень объективного соответствия существующих социальных условий потребностям и интересам личности (группы) и является результатом процесса осознания субъектом самого себя в системе общественных отношений, происходит «объективно-субъективная интерпретация происходящих в обществе изменений» [17, с. 34]. Говоря иначе, наблюдается отражение приоритетности и подлинности бытия, воспро-



изводимого в переживаниях личности («сущее» переходит в «бытие»). Множественность интерпретаций – свидетельство сложности того явления, которое пытается постичь наука, поскольку «любой язык, любая система исходных понятий способна представить его лишь в определенном ракурсе, и множественность интерпретаций – это, по существу, множественность ракурсов видения предмета, каждый из которых несет о нем определенную информацию» [18, с. 4]. Кроме того, нельзя игнорировать и тот факт, что мир мы познаем не только с помощью логики, но и благодаря нашей способности к чувственному, «алогичному» восприятию.

Заметим, что в рамках данного материала мы не ставим задачу исследования социального самочувствия как объекта и/или предмета социологического исследования, и обращаемся к его определению только для того, чтобы подчеркнуть сложность, многогранность и многословность как самого феномена, так и понятий, пытающихся отразить специфику данного явления. Подтверждением высказанного выше утверждения служит тот факт, что не существует пока однозначного толкования понятия «социальное самочувствие», как нет и его однозначной операционализации через систему индикаторов и показателей (см., напр., [17, 19, 20]).

Анализ научных публикаций свидетельствует, что исследователи не только по-разному определяют сам феномен, но и дают разные ответы на вопрос о том, что именно и как измерять при изучении социального самочувствия населения. Признаемся, что мы также не остались в стороне и предложили свое понимание того, что именно и как измерять в попытке представить социальное самочувствие населения региона.

Нами апробирован один из возможных подходов к изучению социального самочувствия населения (более подробно см.: [21]). Этот подход мы используем уже на протяжении ряда лет в мониторинговом инициативном исследовательском проекте «Волгоградский Омнибус»*.

Именно мониторинг, как нам представляется, позволяет, если выразиться языком математики, вычислить градиент социальных изменений. Основанием такой убежденности является возросший интерес к мониторинговым исследованиям со стороны не только исследователей, но и управленцев различного уровня в иерархии власти, а также собственная практика проведения исследования. Мы не единожды в своих работах показывали, что наибо-

лее объективные оценки состояния социального самочувствия (а следовательно, и оценки состояния и динамики социально-экономического развития региона) населения можно получить только в ходе проведения мониторинга (см., напр., [22–24] и др.).

Под мониторингом понимается метод исследования объекта, предполагающий его отслеживание и контролирование его деятельности (функционирования) с целью прогнозирования последней [25, с. 681]. Однако широкое распространение мониторинга не только значительно расширило границы его применения, но и сделало более размытым контур употребления самого термина и, соответственно, смыслов, входящих в это понятие. Вслед за В. В. Маяковским можно констатировать, что «слова у нас до важного самого в привычку входят, ветшают, как платье». В полной мере это относится к термину «мониторинг» – слишком частое его употребление, как по делу, так и не очень, приводит к тому, что он перестает передавать те смыслы, которые закладывались в него изначально. Действительно, о каком только мониторинге не услышишь в различных терминологических формах (экономический мониторинг, социологический, законодательный, региональный, мониторинг СМИ, мониторинг качества жизни, мониторинг экономических реформ, мониторинг социально-экономических прав и т. д. – «мониторят» все и всё). Значения, вкладываемые в понятие «мониторинг», оказываются различными не только в рамках разных видов исследований (лингвистических, психологических, культурологических, политологических, социологических и др.), их можно обнаружить и в рамках конкретной дисциплины. Кроме того, довольно часто встречаются ситуации, когда авторы уходят от определения понятия. Термин просто вводится в текст (см., напр., [26]) или название [27, с. 38], и при этом не дается каких бы то ни было комментариев по поводу его содержания, как само собою разумеющееся. Данная терминологическая неразбериха свидетельствует об отсутствии стройной системы представлений о сущностном содержании используемой терминологии, соответствующих видах научно-практической деятельности и теоретико-методологических обозначениях основ мониторингового анализа, имеющего направленность на социальную среду. Именно на это обстоятельство мы и хотели бы обратить особое внимание в данном материале.

* «Волгоградский Омнибус» – синдикативный исследовательский проект, который проводится Центром социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» (г. Волгоград) начиная с 2004 года. Проект сочетает в себе черты приклад-

ного социологического и маркетингового исследования. Инструментарий исследования разработан таким образом, чтобы обеспечивать сопоставимость результатов, полученных в разных волнах исследования.

Напомним (более подробно см. [23]), что понятия «монитор» и «мониторинг» довольно давно вошли в исследовательскую практику. Само слово «мониторинг» пришло из латинского языка и переводится на русский язык как «предостерегающий». В разные времена это слово наполнялось разным смыслом, но, что важно, всегда данное понятие было связано, как мы уже упоминали выше, с контролем, наблюдением за какими-то явлениями, событиями, действиями.

В конце XVIII – начале XIX в. словом «монитор» называли помощника преподавателя, осуществлявшего в его отсутствие наблюдение (надзор) за учениками [28, с. 101]. Затем довольно долго этим термином обозначали «мелкосидящий бронированный корабль с сильной артиллерией, предназначенный для операций у морских берегов и на реках» [29, с. 328]. Столь необычное толкование для современного восприятия понятия «монитор» подтверждается и авторитетнейшим исследователем языка В. И. Далем, в его «Толковом словаре живого великорусского языка» можем прочесть: «Мониторъ, военный боевой корабль... Название дано отъ ящерицы мониторъ, будто бы предвещающей о близости крокодила» [30, с. 345]. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что понимание «монитора» как боевого бронированного надводного корабля просуществовало довольно долго – в одном из наиболее авторитетных политехнических словарей теперь уже прошлого века отмечается, что использовались мониторы вплоть до Второй мировой войны, в настоящее время их строительство во всех странах прекращено [31, с. 298].

Специфика наших дней, когда максимальное число угроз все больше стало смещаться в область техники и технологии, закрепила за этим термином значение устройства для визуального контроля [31, с. 77] определенных параметров, которые должны сохраняться в заданных пределах, например, уровня радиоактивных излучений в помещении. На телевидении так называют студийный телеэкран для контроля над качеством изображения, а монитор компьютера стал уже привычным атрибутом повседневной практики подавляющего числа жителей страны. Процесс контроля и слежения (как правило, с помощью монитора) стали обозначать термином «мониторинг», в естественных науках под ним понимают контроль в технологических процессах [31, с. 77] и в экологических исследованиях [32, с. 827].

Из экологии, где термином «мониторинг» обозначается непрерывное слежение за состоянием окружающей среды с целью предупреждения о возможных нежелательных отклонениях

по важнейшим параметрам [33, с. 585–586], это понятие «перебралось» со временем и в социальную практику, предполагая систему отслеживания социальных процессов с целью своевременного предупреждения нежелательных событий [34, с. 185].

Однако идея о том, что необходима достоверная информация и наличие обратной связи для эффективного управления обществом, была предложена еще родоначальником социологии О. Контом [35], который для изучения социальных явлений предлагал применять сравнительный метод, ставший одним из главных методов объективной социологии. Существующие методы сравнения (сравнение процессов, протекающих в обществе; сравнение различных обществ; сравнение одного и того же общества во временном аспекте) не предоставляли возможности проанализировать исследуемые процессы во времени. О. Конт разрешает данное противоречие посредством применения исторического метода, который сконцентрирован на выявлении тенденций и закономерностей развития исследуемого объекта на протяжении некоторого исторически определенного отрезка времени.

Немногочисленные работы современных авторов, посвященные мониторингу именно социальной среды, которые можно обнаружить в поле научных публикаций, не дают полного ответа по широкому кругу возникающих вопросов относительно теории и практики мониторинга как научно-познавательного процесса, ориентированного на социум. Полагаем, что для прояснения сути вопроса необходим небольшой исторический экскурс.

Одним из первых и наиболее удачных подходов к разработке основных организационно-методических принципов социологического мониторинга, к которому, так или иначе, в своих работах обращаются все авторы, занимающиеся социологическим мониторингом, можно назвать подход, который в свое время предложил творческий коллектив под руководством доктора экономических наук Ф. М. Бородкина [36, с. 39]. Данная работа, строго говоря, и заложила основы мониторинга социальных объектов. Согласно этому подходу, мониторинг представляет собой совокупность следующих видов деятельности:

- регулярное наблюдение за состоянием объекта мониторинга по очень ограниченному кругу показателей, представляющих интерес для субъекта управления, заказчика, понятных ему и пригодных для осуществления наблюдения с помощью стандартной методики;
- диагностирование состояния объекта в терминах, понятных субъекту управления и употребляемых им;



- прогнозирование динамики состояния (поведения) объекта;
- возможно – формулирование рекомендаций по разрешению или обходу выявленных в мониторинге проблем и отклонений с оценкой необходимых ресурсов, в том числе материально-финансовых, организационных и временных.

Вряд ли стоит особо доказывать, что объектов деятельности мониторинга в общественной жизни можно указать бесконечно много. Количество и конкретный состав показателей для наблюдения и оценки процессов ограничены лишь фантазией исследователей, наблюдателей, субъектов управления и заказчиков. Но, что, по нашему мнению важно, в данном случае мы имеем дело лишь с социологическим мониторингом. Это означает, что объектами мониторинга являются группы, социальные институты, их взаимосвязи и взаимодействия, динамика, а также индивиды как представители таких групп и институтов.

Очевидно, что социологический мониторинг отличается от классического, привычного социологического исследования. Мониторинг включает в себя не только сбор информации, осуществляемый по стандартному набору показателей с помощью стандартных процедур, но и на «выходе» дает оценки ситуаций и объектов также в стандартной форме. Показатели в течение сравнительно длительного времени должны быть постоянными, чтобы обеспечить возможность сравнений во времени, оценки динамики. Но это, конечно, не означает их полной неизменности – состав их должен обязательно меняться с появлением новых проблем и исчезновением старых [36, с. 15–16].

В «Волгоградском Омнибусе», мониторинговом исследовании, о котором мы упоминали выше, для расчета уровня социального самочувствия используется вариант индекса РИПН (региональный индекс потребительских настроений, вариант ИПН), который разработан Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89» для применения в межрегиональных исследованиях (примеры выполнения проекта см., напр., [37] и др.).

Основу для расчета компонентов РИПН составляют результаты обработки ответов респондентов на шесть вопросов интервью. Эти вопросы формулируются следующим образом:

С11. «Как Вы полагаете, нынешние условия жизни в нашей области лучше, хуже или примерно такие же, как и в целом по стране?»

С12. «Как Вы полагаете, Ваше нынешнее материальное положение (вашей семьи) лучше, хуже или примерно такое же, каким оно было год назад?»

С13. «Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?»

С14. «Как, по Вашему мнению, за это время изменится жизнь большинства россиян: улучшится, ухудшится или останется примерно такой же, как сейчас?»

С15. «Как Вы думаете, в ближайшие пять лет материальное положение россиян в целом улучшится, ухудшится или останется прежним?»

С16. «Если говорить о крупных покупках для дома, таких как мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор, то как Вы полагаете, сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы делать такие покупки?»

Алгоритм расчета регионального индекса потребительских настроений (РИПН) сводится к следующему:

1) по каждому из вопросов, характеризующих различные аспекты жизни респондента и ожидания (вопросы С11–С16), рассчитываются распределения ответов респондентов (доли ответов, приходящихся на каждую из категорий представленной шкалы);

2) каждое из полученных распределений используется для построения частного индекса, который рассчитывается следующим образом: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных (средние и несодержательные варианты ответов не учитываются), и к этой разнице прибавляется 100, чтобы исключить появление отрицательных величин;

3) совокупный индекс рассчитывается как среднее арифметическое частных индексов. Значения индекса могут изменяться в пределах от 0 до 200.

Важно обратить внимание на следующее. В целом шкала оценок варьируется от 0 до 200: индекс равен 200, когда все население положительно оценивает экономическую ситуацию (понятно, что в реальной практике этого не может быть, что называется, по определению). Индекс равен 100, когда доля положительных и отрицательных оценок одинакова (иначе говоря, это «0» в привычной – декартовой – системе координат). Значения индекса ниже 100 означают преобладание в обществе негативных оценок. Теоретически, значение индекса может быть и «0», но в реальной практике значений индекса РИПН менее 30 пока нами отмечено не было.

При расчете РИПН и анализе данных, полученных в ходе мониторинга, используются такие частные индексы, как: индекс положения семьи (ИС, вопросы С12–С13), индекс межрегиональных сравнений (ИМС, вопрос С11), индекс ожиданий (ИО, вопросы С13–С15), индекс покупательской активности (ИПА, вопрос С16) и ряд

инных показателей. Значения этих индексов интерпретируются аналогично индексу РИПН, представленному выше. Индексы рассчитываются по различным социально-демографическим группам, по территориям проживания респондентов и т. д., что позволяет на «карте» региона обозначить благополучные и не очень точки социального самочувствия населения.

Практика подтвердила, что мониторинг – это более тонкий инструмент, позволяющий исследовать динамику развития событий при проведении прикладных социологических исследований. Преимущества и возможности мониторинга мы продемонстрируем в следующем материале на основе данных, полученных в очередной волне «Волгоградского Омнибуса» (2016 г.).

Список литературы

1. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. М.: Наука, 1993. 447 с.
2. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 560 с.
3. Заславская Т. И. Роль социологии в процессах преобразования России // Вопросы социологии. 1996. Вып. 6. С. 97–111.
4. Скобелина Н. А. Социальное самочувствие населения Волгоградского региона // Социологическая диагностика современного общества: Дыльновские чтения: материалы научно-практической конференции. Саратов: Саратовский источник, 2016. С. 348–351.
5. Парыгин Б. Д. Общественное настроение. М.: Мысль, 1966. 327 с.
6. Парыгин Б. Д. Социально-психологический климат коллектива. Л.: Наука, 1981. 192 с.
7. Теоретико-методологические и методические проблемы повторного исследования образа жизни / АН СССР, Ин-т социол. исслед., Сов. социол. ассоц.; [сост. И. Т. Левыкин и др.]. М.: Изд-во ИСИ АН СССР, 1987. 53 с.
8. Яценко И. Н. Социальное настроение и социальное самочувствие населения малого северного города: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2006.
9. Дулина Н. В., Токарев В. В. Динамика показателей социального самочувствия жителей современного крупного города // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2009. № 1. С. 121–125.
10. Дулина Н. В. Социальное самочувствие жителей как индикатор социальной ситуации в регионе // Качество жизни как фактор формирования гражданского общества: всероссийская науч.-практ. конф. (2011; Волгоград). Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «ВАГС», 2011. С. 112–115.
11. Дулина Н. В., Овчар Н. А., Токарев В. В. Социальное настроение студентов современной России // Повседневная жизнь россиян: социологический дизайн: Дыльновские чтения: материалы научно-практической конференции. Саратов: ООО «Издательский центр «Наука», 2014. С. 315–322.
12. Дулина Н. В., Овчар Н. А., Токарев В. В. Социальное самочувствие и религиозные ориентации современной студенческой молодежи (по итогам прикладного социологического исследования) // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. № 16 (143). Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». С. 120–124.
13. Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие горожан Волгоградской области // Социально-гуманитарные аспекты формирования сферы жизнедеятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (в рамках праздничных мероприятий, посвященных 20-летию Астраханского инженерно-строительного института и кафедры «Философия, социология и лингвистика» АИСИ), 22–26 октября 2012 г. / под общ. ред. В. А. Гутмана, А. Л. Хаченьяна, Д. А. Ануфриева. Астрахань: ГОУ АО ВПО «АИСИ», 2012. С. 228–235.
14. Дулина Н. В., Токарев В. В. Уровень социального самочувствия как вектор социокультурной эволюции региона (по итогам мониторинга «Волгоградский Омнибус») // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 12–15 октября 2011 г. / М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технолог. ун-т. Казань: КНИТУ, 2011. С. 224–233.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1988. 750 с.
16. Бурко В. А. Интерпретация показателя «Социальное самочувствие» / Социология и общество: тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб.: Скифия, 2000. С. 56.
17. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.
18. Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3–8.
19. Осадчая Г. И., Роик В. Д. Социальные аспекты экономической безопасности России. М.: Мысль, 2006. 176 с.
20. Социальное самочувствие населения в современной России: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. 4–5 октября 2010 г., г. Ставрополь. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 268 с.
21. Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие жителей как фактор модернизации региона // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всеросс. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14–17 окт. 2014 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. С. 320–325.
22. Дулина Н. В., Токарев В. В. Социологический мониторинг как социальная технология измерения состояния социума // Качество жизни как фактор формирования гражданского общества: всероссийская науч.-практ. конф. (2011; Волгоград). Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «ВАГС», 2011. С. 115–118.
23. Токарев В. В., Дулина Н. В. Мониторинг общественно-политической ситуации в Волгоградской области: опыт прикладного исследования: монография / ЗАО ЦСМИ «Аналитик». Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2011. 253 с.
24. Токарев В. В., Дулина Н. В. Опыт социального мониторинга в городе // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. № 9 (69) / ВолГГТУ. Волгоград, 2010. С. 78–86.
25. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. / Национальный общественно-научный фонд; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. 694 с.
26. Антосенков Е. Г. Мониторинг социально-трудовой сферы РФ (1992–1994 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 50–65.
27. Галачева С. В. Подходы к мониторингу устойчивого развития региона // Социальное самочувствие населения в современной России: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (4–5 октября 2010 г., г. Ставрополь) / отв. ред. Г. Д. Гриценко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 38–40.



28. Бестужев-Лада И. В. Экспертный сценарно-прогностический мониторинг: принципы организации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 100–104.
29. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1989. 624 с.
30. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 2720 с.
31. Политехнический словарь / гл. редактор И. И. Артоболевский. М. : Советская энциклопедия, 1976. 608 с.
32. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1988. 1699 с.
33. Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск : Книжный Дом, 2003. 1312 с.
34. Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост.: Ю. И. Аверьянов. М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
35. Конт О. Дух позитивной философии. СПб.: Вестник Знаний, 1910. URL: <http://lib.socio.msu.ru>
36. Региональный социологический мониторинг экономических реформ / Ф. М. Бородкин и др. // Регион: экономика и социология / Институт экономики СО РАН. Новосибирск, 1993. Вып. 3. . 14–47.
37. Дулина Н. В. Региональный индекс потребительских настроений в контексте модернизации (на примере Волгоградской области) // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России : сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»: 22–25 октября 2012 г. / Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостана. Уфа : АН РБ, Гилем, 2012. С. 274–279.

© Н. В. Дулина

Ссылка для цитирования:

Дулина Н. В. Социальное самочувствие и методика его исследования // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский государственный архитектурно-строительный университет. Астрахань : ГАOU АО ВО «АГАСУ», 2016. № 1 (4). С. 70–76.